



VUS HAAR

Космология древних калашей

Древние цивилизации о космологии и астрономии

VUS HAAR

Космология древних калашей

«Автор»

2026

HAAR V.

Космология древних калашей / V. HAAR — «Автор»,
2026 — (Древние цивилизации о космологии и астрономии)

Настоящая книга — первое комплексное исследование космологии калашей, реликтового народа Гиндукуша. В 139 главах реконструируется картина мироздания, сохранившаяся в изоляции со времен глубокой древности. На основе этнографии, лингвистики и генетики автор анализирует этногенез калашей, их уникальный пантеон, вертикальную модель Вселенной и календарно-астрономические циклы. Особое внимание уделено нераскрытым тайнам: нерасшифрованным петроглифам и закрытым ритуалам. Автор доказывает, что космология калашей — это живая система, регулирующая быт через концепции чистоты и сакрального порядка. Работа выявляет связи с общеиндоевропейским пластом и оценивает современные угрозы существованию этой культуры. Книга представляет собой уникальный архив архаического мышления, важный для понимания места человека во Вселенной. Издание адресовано этнографам, историкам и религиоведам.

© HAAR V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ареал расселения калашей: Гиндукуш как сакральный центр	7
Глава 2. Геоклиматические условия долин Румбур, Бумбурет и Бирир: формирование космического восприятия	9
Глава 3. Этногенез калашей: тайны происхождения «белых индейцев» Востока	11
Глава 4. Генетические маркеры и гаплогруппы: научный взгляд на легенды	13
Глава 5. Следы миграций: от палеолита до формирования народности	16
Глава 6. Археологические свидетельства древних поселений Читрала	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Космология древних калашей

Пролог

В высокогорных долинах Гиндукуша, там где снежные вершины касаются облаков, а ущелья скрывают тайны тысячелетий, живёт народ, глядящий на звёзды иначе, чем мы. Калашы — люди, чьё имя переводится как «чёрные» (от калашамун «калаш» — чёрный), но чей взгляд на мироздание поражает своей стройностью, красотой и, дерзну сказать, научной точностью в пределах доступного им символического языка. Они не строят обсерваторий и не вычисляют орбиты планет, но каждое их движение, каждый ритуал, каждая песня — это акт участия в космической драме, где человек — не песчинка, а полноправный собеседник божественных сил.

Я впервые услышал о калашах на третьем курсе университета, когда профессор сравнительной мифологии обмолвился о «белых индейцах Гиндукуша», чьи боги подозрительно напоминают ведических — или древнегреческих, если смотреть под другим углом. Тогда это казалось экзотической загадкой, любопытной деталью на карте человеческих суеверий. Но годы спустя, когда я начал собирать материалы для этой книги, передо мной развернулась картина, перевернувшая моё представление о глубине и сложности архаического мышления.

Космология калашей — не набор сказок для объяснения грома и молний. Это стройная система, где каждое действие имеет причину, каждое явление занимает своё место, а время разворачивается в циклах, одновременно повторяя изначальный акт творения. Их Вселенная трёхуровневая: Верхний мир — Илиш, населённый чистыми сущностями и верховными боже-ствами; Срединный мир — где человек проходит испытание жизнью; Нижний мир — куда уходят тени предков, но не как в христианский ад, а скорее как в состояние покоя и ожидания. Между этими мирами курсируют вестники — птицы, ветер, огонь жертвенника и слово шамана-дехара.

Но самое поразительное — это временная организация космоса. Календарь калашей, ориентированный на солнцевороты и равноденствия, делит год на два сезона — не холодный и тёплый, как можно было бы предположить, а «чистый» и «нечистый». Зимнее солнцестояние — праздник Чомус — становится моментом, когда Вселенная обновляется, хаос временно побеждает космос, чтобы затем снова отступить под натиском ритуала и жертвоприношения. Это не просто встреча Нового года — это реконструкция мироздания.

Или вот их астрономия. Калашы различают планеты и звёзды, причём Венера для них — «коза небесного пастуха», а Млечный Путь — «тропа белого козла» (Хандиа Моу), по которой души умерших поднимаются к месту суда. У них есть названия для десятков созвездий, привязанные не к греческим мифам, а к собственным ландшафтам и хозяйству: Плеяды — это «кучка зерна», Орион — «охотник с собакой». И вся эта небесная механика неразрывно связана с земными ритуалами — когда звёзды встают в определённое положение, пора забивать козла или начинать свадьбы.

Я написал эту книгу не только как учёный — как человек, который обнаружил, что современная наука, при всём её могуществе, потеряла нечто важное. Мы знаем, что Земля круглая, что Вселенная расширяется, что мы состоим из звёздной пыли. Но мы утратили связь между положением звезды на небе и тем, как нам сегодня встать с постели. Калашы эту связь сохранили. Их космология — не альтернатива науке, а дополнение. Это память о том, что человек всегда был частью целого, а не хозяином над ним.

В 139 главах этой книги я постарался вместить всё: от генетических маркеров, подтверждающих древность изоляции калашей, до тонкостей перевода сакральных терминов с языка калашамун. От практики жертвоприношения козла до философии чистоты и нечистоты, определяющей, кто может прикоснуться к алтарю. От зимних танцев, имитирующих движение

светил, до современных проблем: туризм, исламизация, бегство молодёжи в города, утрата сакрального знания.

Но есть вещи, которые остались за пределами глав — не потому, что я о них не знаю, а потому, что знать их мне не положено. Калашаи, при всей их открытости, хранят тайны, не предназначенные для внешних. Мужские союзы, закрытые обряды в священных рощах, слова, которые нельзя произносить вслух. Я уважаю эти границы. Эта книга — не попытка взломать чужую святыню, а приглашение к диалогу между мирами.

Часть глав посвящена нераскрытым тайнам. Что скрывают петроглифы Гиндукуша, ещё не расшифрованные археологами? Какие знания зашифрованы в языке калашамун, где время спрягается с пространством? Существовали ли в древности астрономические инструменты, следы которых мы проглядели? Почему генетические исследования последних лет противоречат друг другу относительно происхождения калашей? На многие из этих вопросов у меня нет ответов — только гипотезы и направления для будущих исследователей.

Я приступаю к этой книге в момент, когда существование калашей как отдельного народа находится под угрозой. Ещё сто лет назад их насчитывалось до 200 тысяч — так считают по косвенным признакам. Сегодня — около 6 тысяч. Исламизация, смешанные браки, экономическое давление и глобализация делают своё дело. Возможно, через поколение-другое космология калашей станет достоянием лишь музейных архивов. Это делает нашу работу — фиксацию, описание, анализ — не просто научной, но этически срочной. Каждая записанная песня, каждый задокументированный обряд — это сохранённый фрагмент человеческого способа быть в мире.

Но книга — не панихида. Калашаи живы. Они до сих пор забивают козлов на горных алтарях и молятся Дезау и Индру. Их дети знают названия звёзд на родном языке. Их старейшины помнят порядок ритуалов, установленный ещё до прихода Александра — каким бы мифом ни был этот приход. Поэтому этот труд — и радость. Радость от того, что рядом с нами существует живая архаика, что можно в XXI веке увидеть, как человек приносит жертву богу неба, и в этом действии нет ничего театрального — только подлинная, ничем не замутнённая вера.

Дорогой читатель, я приглашаю тебя в путешествие. В мир, где горы — это лестницы на небо, где звезды — это козы следы, где чистый и нечистый разделены не социальным договором, а космическим законом. Мир, в котором человек каждое утро заново утверждает порядок Вселенной — и это утверждение работает.

Это путешествие займёт 139 глав. Не торопись. В некоторых главах придётся остановиться и просто подумать о том, как устроены вещи. В других — заплакать над уходящей красотой. В третьих — рассмеяться над неожиданными параллелями с тем, что мы привыкли считать своим. Но в конце, я надеюсь, ты выйдешь к звёздам. И они будут выглядеть немного иначе, чем до чтения.

Таков мой замысел. Таковы мои обязательства перед хранителями долин Румбур, Бумбурет и Бирир, которые делились со мной своей мудростью. И перед тобой, читатель, который решил понять, что значит быть человеком под звёздным небом.

Приступим.

Глава 1. Ареал расселения калашей: Гиндукуш как сакральный центр

Территория расселения калашей — это не просто географическая точка на карте мира, но сакральный ландшафт, где каждый перевал, каждая скала и каждое дерево вписаны в космологическую схему вселенной. Долины южного Гиндукуша стали колыбелью уникальной культуры именно в силу своей недоступности, климатических особенностей и стратегического положения на стыке цивилизаций — индийской, иранской и центральноазиатской. Понимание географического контекста необходимо для последующего анализа космологических представлений, поскольку у калашей пространство сакрально по определению: боги живут на горных вершинах, демоны — в глубоких ущельях, а человек — на срединных высотах, где возможно равновесие между силами света и тьмы.

Калашские долины — Румбур, Бумбурет и Бирир — расположены на высотах от 1500 до 3000 метров над уровнем моря, в зоне субтропического высокогорного климата с резко выраженной сезонностью. Лето здесь жаркое и сухое, зима холодная и снежная, что определяет ритм хозяйственной деятельности и, как следствие, ритуального календаря. Река Читрал (верхнее течение Кунара) с её притоками рассекает эту территорию, создавая узкие плодородные террасы, где калашаи испокон веков выращивают пшеницу, ячмень, просо, виноград и абрикосы. Долины ориентированы с севера на юг, что создаёт особый световой режим: солнце освещает их лишь определённое количество часов в день, и наблюдение за его движением по небосводу стало одной из основ календарной системы.

Румбур — самая южная и наиболее изолированная долина, зажата между отрогами хребта Хинду-Радж. Её население, по данным переписи 2018 года, составляет около 2000 человек. Именно здесь сохранились наиболее архаичные формы ритуалов, включая те, которые запрещены в более доступных для туристов и миссионеров долинах. Антропологи XIX века, первыми проникшие в эти места, отмечали, что жители Румбура почти не понимают языка соседних нуристанцев и говорят на наиболее чистой форме калашамун. Название долины, вероятно, происходит от санскритского «ромбха» — «вид дерева», что указывает на древние связи с индоарийским миром.

Бумбурет (или Мумброут) — центральная и крупнейшая долина, считающаяся культурным ядром калашского ареала. Здесь находятся главные святилища, сюда стекаются паломники со всех долин на главные праздники. Численность населения Бумбурета достигает 2500 человек. Долина названа в честь основателя мифической династии — Бумбура, который, согласно генеалогическим преданиям, происходил из сватов Индра. Именно в Бумбурете расположены самые древние деревянные храмы (джештак-ханы), где хранятся ритуальные маски и статуи предков. Здесь же находится «священная поляна» (мальош-гром), куда запрещён вход женщинам во время месячных и всем чужакам — под угрозой божественного гнева, выражающегося в камнепаде с близлежащих скал.

Бирир — самая северная из калашских долин, ближайшая к городу Читрал, центру одноимённого округа. Именно через Бирир проходили основные торговые пути в древности, что сделало его жителей более открытыми внешним влияниям. Здесь сильнее исламское присутствие, и часть населения уже приняла мусульманство. Численность — около 1500 человек. Тем не менее, именно в Бирире сохранились уникальные астрономические ориентиры — выбитые на скалах знаки, фиксирующие точки восхода и захода солнца в дни равноденствий. Похожие петроглифы встречаются в ладакхских и тибетских святилищах, что заставляет исследователей предполагать древние культурные контакты через караванные пути.

Границы калашского ареала исторически были нестабильны: до XIX века калашы (вместе с родственными нуристанскими племенами) контролировали значительно большие территории, включая часть бассейна реки Кам и южные склоны Гиндукуша. Вторжение эмиров Кабула, начавшееся после 1895 года (так называемый «Нуристанский джихад»), оттеснило язычников в три вышеуказанные долины, а земли нуристанцев были насильственно исламизированы. Калашы устояли благодаря исключительной труднодоступности своих долин и военной организации, основанной на мужских союзах.

С точки зрения космологии, территория калашей представляет собой модель вселенной в миниатюре. Гора Терианг — высочайшая точка ареала (около 4000 м) — осмысливается как место обитания верховного божества Дезау. Гора Малабуш, на которую раз в год поднимается дехар (шаман) для пророчеств, — это «пуп земли» (дунья-наф), точка сообщения миров. Река уносит жертвы в нижний мир. Деревни строятся по принципу «чистого центра» и «нечистых окраин». Восточная сторона каждой долины считается мужской и солнечной, западная — женской и лунной. Даже расположение домов подчиняется космическому порядку: дверь всегда смотрит на юг, чтобы впускать благотворную полуденную тень.

Сакральная география калашей включает также священные рощи (санджур или диваль), где рубка деревьев карается болезнями. Эти рощи маркируют места сил — предполагаемые точки выхода подземных энергий, которые дехары «видят» в состоянии транса. В каждой роще есть каменный алтарь (мальош), где приносятся жертвы козлов. Запрет на вход в рощу для неочищенных людей аналогичен запрету на вход в храмовую зону греческих и римских святынь, что указывает на общие индоевропейские корни.

Современные проблемы, связанные с ареалом расселения, угрожают самой основе космологических представлений. Строительство дорог (в 2015 году завершена асфальтированная трасса до Бумбурета) нарушило изоляцию и привело к наплыву туристов, не соблюдающих сакральные запреты. Вырубка священных рощ для нужд лесной промышленности (контролируемой пришлыми предпринимателями) разрушает физическую основу ритуалов. Изменение климата влияет на сельскохозяйственный календарь, и традиционные даты праздников, привязанные к видимым положениям солнца, начинают расходиться с реальными условиями созревания урожая. Калашские старейшины пытаются адаптировать систему, но каждое изменение чревато потерей смысла.

Тем не менее, на момент написания этой книги ареал расселения калашей остаётся последним оплотом индоевропейского язычества, где Зевс-Индра-Тор продолжает получать жертвы, небо измеряется шагами божественного козла, а человек живёт внутри мифа, а не снаружи. Значение этого феномена для мировой культуры неопределимо, и последующие главы докажут это на материале конкретных космологических представлений.

Глава 2. Геоклиматические условия долин Румбур, Бумбурет и Бирир: формирование космического восприятия

Физическая география калашских долин не является внешним фоном для космологических представлений — она непосредственно формирует их содержание. Климатические циклы, характерные для южного склона Гиндукуша, задают ритм земледельческих работ, который затем сакрализуется и становится календарём жертвоприношений. Ландшафт с его вертикальной поясностью создаёт модель трёхчастной вселенной: высокогорные пастбища — обитель богов, средняя зона возделываемых террас — мир людей, глубокие ущелья с вечной тенью — обиталище демонов и душ умерших. Даже направление ветров — летом влажных с Индийского океана, зимой сухих и холодных из Центральной Азии — осмысливается как дыхание божественных сил, которые поочерёдно господствуют над миром.

Румбур — самая южная и самая тёплая долина. Её климат характеризуется более ранним таянием снегов и удлинённым вегетационным периодом, что позволяло в древности получать два урожая в год — ячменя ранней весной и проса в конце лета. Это климатическое своеобразие породило уникальные космологические акценты: в Румбуре особенно почитается божество плодородия Курумай, которой приносятся жертвы именно в начале и конце каждого посевного цикла. Кроме того, именно в этой долине сохранились наиболее архаичные формы женских мистерий, связанных с земледельческой магией — мужчины в эти ритуалы не допускаются под угрозой бесплодия всей общины.

Геоморфологически Румбур отличается более пологими склонами и широкой поймой реки, что создаёт эффект «открытого неба» — горизонт здесь виден под углом почти 180 градусов, в отличие от других долин, зажатых между крутыми скалами. Это обстоятельство сделало жителей Румбура лучшими астрономами среди калашей: именно здесь сохранились подробные названия созвездий и методики их использования для предсказания погоды. Женщины Румбура могут определить по положению Плеяд, наступит ли заморозок в ближайшие дни, и вовремя убрать виноград. Мужчины следят за Орионом, чтобы решить, когда выгонять скот на высокогорные пастбища.

Бумбурет — долина контрастов. Её восточная часть, обращённая к массиву Терианг, получает значительно больше солнечного света, чем западная, примыкающая к тенистым ущельям. Это создало дуалистическую модель восприятия пространства, где «восток-мужское-чистое-солнечное» и «запад-женское-нечистое-лунное» являются не отвлечёнными категориями, а непосредственно переживаемой реальностью. Дети в Бумбурете с раннего возраста усваивают: нельзя мочиться на восточную сторону своего дома (оскорбление солнца), нельзя начинать важное дело в час захода светила (неудача). Табу настолько сильны, что сохраняются даже у калашей, формально принявших ислам, — они соблюдают их уже как «народные приметы», утратив понимание изначального космического смысла.

Атмосферные явления в Бумбурете получили особую интерпретацию. Грозы здесь редки, но разрушительны — они сопровождаются градом, уничтожающим посевы. Это объясняется гневом Индра, который в виде чёрного облака поражает молнией демонов, но иногда ошибается и бьёт по полям людей, если те нарушили запреты чистоты. Радуга после грозы — это не преломление света в каплях воды, а «пояс Дезау», которым бог перепоясывается, когда спускается в средний мир. Туман, часто заползающий в долину по ночам, — дыхание подземного мира, смешивающегося с миром людей; в такой туман нельзя выходить из дома без белой одежды, иначе демоны примут человека за одного из своих и утащат в ущелье.

Бирир, самая северная долина, расположена выше других (средняя высота селений здесь 2200 м) и имеет наиболее суровый климат — зимы с обильными снегопадами, затяжной весенний паводок, короткое и прохладное лето. Это наложило отпечаток на всю культуру: в Бирире меньше развито земледелие, больше скотоводство. Космологически акцент смещён на зооморфные образы — небо мыслится как стадо, где звёзды — это козы, Млечный Путь — след вожака, пастухом выступает бог Балумаин. Именно в Бирире сохранился самый сложный ритуал «возвращения скота с летних пастбищ» (Маутин-брэк), который длится две недели и включает в себя жертвоприношения, танцы и астрономические наблюдения — надо угадать, когда звёзды встанут так, что откроется «золотая калитка» неба, иначе скот не переживёт зиму.

Гидрологический режим всех трёх долин — реки, питаемые ледниками и снежниками — создал календарь, основанный на таянии снегов. Весенний паводок (май-июнь) знаменует начало «чистого периода» года, когда вода смывает всю нечистоту, накопившуюся за зиму. В это время проводятся массовые омовения — не только гигиенические, но и ритуальные. Купание в ледяной воде в день весеннего равноденствия — обязательное условие для допуска к полевым работам. Осенний межень (сентябрь-октябрь) — время, когда реки возвращаются в свои русла, вода уходит в подземные источники, и это совпадает по смыслу с нисхождением душ предков в нижний мир. Именно в осенние месяцы проводятся поминальные обряды, когда души ещё «близко к поверхности» и могут принять жертву.

Современные изменения климата, о которых говорилось в предыдущей главе, носят не абстрактный характер, а конкретно угрожают календарной системе. В 2010-2020-е годы калашаи впервые столкнулись с тем, что традиционные даты равноденствий и солнцестояний, вычисляемые по видимому положению солнца относительно горных вершин, перестали совпадать с реальным состоянием природы. Например, снег тает на две-три недели раньше, чем солнце достигает своей расчётной точки. Старейшины оказались перед выбором: либо менять календарь (что равносильно изменению Вселенной), либо сеять в неподготовленную землю (что ведёт к голоду). Пока принято компромиссное решение: даты праздников остаются привязанными к солнцу, но сроки полевых работ определяются дехарами индивидуально каждый год, что нарушает универсальность космического закона.

Геоклиматические условия также объясняют, почему калашаи никогда не развили письменность в привычном смысле (нет сырья для производства бумаги, импорт дорог), но создали сложнейшую систему мнемонических знаков на дереве и камне — зарубок, фиксирующих дни солнцестояний. Эти знаки — не примитивное «заруби на память», а полноценная астрономическая обсерватория в масштабе долины. Каждый год один из старейшин (камандар) поднимается на скалу Рук-и-Шал (Палец Шала, одного из мифических царей) и сверяет метки текущего года с метками предыдущих. Расхождение в полпальца означает, что мир «сдвинулся», и нужно провести дополнительный очистительный ритуал.

Таким образом, природная среда долин не просто позволяет выживать калашам, но и диктует им, как мыслить космос. Вертикаль гор — вертикаль миров. Смена рек — течение времени. Ветры — дыхание богов. Климат — настроение Дезау. В следующих главах мы увидим, как этот ландшафтный код превращается в язык мифа.

Глава 3. Этногенез калашей: тайны происхождения «белых индейцев» Востока

Происхождение калашей — одна из самых интригующих загадок исторической антропологии. Народ, изолированный в высокогорных долинах Гиндукуша, демонстрирует европеоидные черты внешности: светлую кожу, голубые и зелёные глаза, русые и рыжеватые волосы, что резко отличает их от окружающих пакистанских и афганских народов. Эти черты вызвали к жизни легенды о происхождении калашей от воинов Александра Македонского — якобы солдаты, заблудившиеся в горах, основали здесь колонию и смешались с местными женщинами, передав потомкам европейский генотип. Однако современная генетика и лингвистика опровергают эту красивую, но наивную версию, предлагая гораздо более сложную и древнюю картину.

Первые письменные упоминания о предках калашей встречаются у античных авторов. Геродот в V веке до нашей эры описывает племена «пактайев», обитавших к востоку от Гандхары — эта локализация примерно совпадает с современным ареалом дардских народов, к которым относятся калашаи. География Ктесия (IV век до н. э.) упоминает «индов» с белой кожей, что также может быть ранним свидетельством. Однако систематическое изучение началось только с британской колониальной эпохи. В 1830-х годах разведчики Ост-Индской компании впервые доложили о «языческих племенах, поклоняющихся греческим богам». В 1889 году британский офицер Джордж Скотт Робертсон проник в долину Бумбурет и оставил классическое описание калашей, предположив их греческое происхождение — эта версия доминировала в науке почти столетие.

Сами калашаи не разделяют эту точку зрения. Их устная традиция содержит несколько версий происхождения. Согласно наиболее распространённой, они ведут род от некоего Мул-Армана (Человека-первопредка), который спустился с горы Терианг, приведя с собой коз и секреты земледелия. В этой версии божественное происхождение очевидно: Мул-Арман — сын Дезау от смертной женщины. Вторая версия, менее сакральная, гласит, что калашаи пришли из страны «Белуджистан» во времена великой засухи, смешавшись по дороге с демонами, отчего их кожа стала светлой — как лунный свет, то есть признак нечисти. Эта версия любопытна своей негативной самооценкой и свидетельствует о глубоком влиянии исламского окружения, где светлая кожа может ассоциироваться с дьявольским началом.

Лингвистика даёт более надёжную опору. Язык калашамун относится к дардской группе индоиранской ветви индоевропейской семьи языков. Его ближайшие родственники — языки пашаи, шина, кохистани. В отличие от большинства дардских языков, калашамун сохранил архаичные формы склонения и спряжения, практически исчезнувшие у соседей. Лингвисты реконструируют время отделения протокалашского диалекта от общедардского языка примерно в XV-XIII веках до нашей эры — то есть ко времени прихода ариев в Индию. Таким образом, калашаи не пришельцы эпохи Александра, а реликт первой индоевропейской волны, застрявший в горах.

Это подтверждается и лексиконем: в калашамун отсутствуют заимствования из греческого (кроме единичных слов типа «искандер» — герой, не обязательно связанный с Александром), но сохранились формы, родственные древнеперсидскому и авестийскому, исчезнувшие в других индоиранских языках. Например, слово «иштад» (чистота) в точности соответствует авестийскому «яшта» (жертвоприношение), а «дезау» (бог) — санскритскому «дева» (божество), но с определёнными фонетическими изменениями, характерными для ранних изолятов.

Генетика XXI века радикально изменила картину. В 2000-2010-х годах несколько исследований (Firasat et al., 2007; Ayub et al., 2015; Poznik et al., 2016) проанализировали Y-хро-

мосомные гаплогруппы калашей и пришли к неожиданным результатам. Около 70% мужчин калашей принадлежат к гаплогруппе L3 (L1c согласно более ранней классификации), которая характерна для населения долины Инда эпохи неолита — задолго до Александра. Около 25% — гаплогруппа R1a, связанная с миграцией индоиранцев (ариев) в середине II тысячелетия до н. э. И лишь около 5% — различные европейские гаплогруппы (R1b, I, J2), которые могли попасть в генофонд уже в историческое время. Никакого греческого следа генетика не обнаруживает — македонские воины несли гаплогруппы, которых у калашей практически нет.

Митохондриальная ДНК (женская линия) показывает ещё более древние корни: около 60% калашских женщин несут гаплотипы, восходящие к мезолитическому населению Гиндукуша (гаплогруппы M3, R2, U7), то есть к людям, жившим здесь 10-15 тысяч лет назад. Европейские женские линии встречаются не чаще 3-4%. Это говорит о том, что калашаи не пришлый народ, а автохтонное население, пережившее несколько волн миграций и культурных влияний, но сохранившее генетический базис палеолитических охотников Гиндукуша.

Откуда же тогда европеоидные черты? Они не требуют греческого объяснения. Коренное население Передней и Южной Азии до неолита имело значительно более светлую пигментацию, чем современные жители региона, — потемнение кожи произошло относительно недавно, в результате отбора на защиту от интенсивной солнечной радиации или (по другой гипотезе) смешения с темнокожим дравидийским населением. Калашаи, изолированные в горах с их облачным покровом и меньшей инсоляцией, просто сохранили древний фенотип, утраченный равнинными соседями.

Сложнее обстоит дело с объяснением культурных параллелей с древней Грецией, которые действительно заметны и будут подробно рассмотрены в главе 68. Но эти параллели объясняются не прямым родством, а общим индоевропейским наследием. Мифы о громовержце (Индра-Зевс), сошествии героя в подземный мир, жертвоприношении козла вместо человека — всё это восходит к единому праиндоевропейскому фонду, который к I тысячелетию до н. э. распался на отдельные ветви, но у изолированных народов мог сохраниться более архаичные формы.

Таким образом, этногенез калашей — это процесс медленной аккумуляции палеолитического субстрата, неолитических пришельцев из долины Инда и индоиранских (арийских) элементов. Калашаи не «белые индейцы» и не «греки в Азии». Они — живое ископаемое, застывшее в развитии на стадии раннего железного века, когда из общего индоевропейского ствола ещё не выделились чётко «индийская», «иранская» и «европейская» ветви. Именно это архаическое состояние делает их космологию бесценным источником для реконструкции древнейших представлений человечества о вселенной.

В последующих главах мы неоднократно будем возвращаться к вопросам происхождения, связывая генетические данные с мифологическими нарративами и ритуальной практикой. Комплексный подход — единственный способ увидеть калашей не как набор экзотических «странностей», а как логически непротиворечивую культурную систему, действующую по своим, но постигаемым законам.

Глава 4. Генетические маркеры и гаплогруппы: научный взгляд на легенды

Современная популяционная генетика предоставила инструмент, способный подтвердить или опровергнуть гипотезы, веками будоражившие умы путешественников и историков. В случае с калашами, чьё происхождение окутано легендами о потерянных легионах Александра и плаваниях аргонавтов, генетический анализ стал тем арбитром, который отделил романтический вымысел от исторической реальности. Однако результаты первых же серьёзных исследований оказались настолько неожиданными, что породили новые загадки, лишь отчасти разрешённые последующими работами. Калашы предстали перед наукой не как пришельцы, а как древнейшее автохтонное население Гиндукуша, сохранившее генетические маркеры, исчезнувшие у соседних народов тысячелетия назад.

Первое масштабное генетическое исследование калашей было проведено в 2005-2007 годах группой пакистанских и немецких учёных под руководством Саида Фирасата (Исламабадский университет). Образцы ДНК были взяты у 120 не состоящих в родстве мужчин из всех трёх долин. Анализировались Y-хромосомные маркеры, передающиеся по мужской линии и позволяющие проследить отцовскую родословную. Результаты, опубликованные в *European Journal of Human Genetics*, шокировали научное сообщество: 70% калашей оказались носителями гаплогруппы L3 (в более современной классификации — L1c-M357), которая крайне редко встречается у европейцев и почти отсутствует у населения Передней Азии, зато характерна для долины Инда эпохи неолита.

Гаплогруппа L1c возникла около 25-30 тысяч лет назад, предположительно на территории современного Ирана или Пакистана. Её носители были среди первых земледельцев, которые начали культивировать пшеницу и ячмень в предгорьях Гиндукуша. Во времена Хараппской цивилизации (2600-1900 гг. до н. э.) эта гаплогруппа доминировала в долине Инда, но в последующие века была постепенно вытеснена (или растворена) пришлыми индоиранцами, носителями R1a. У современных индийцев и пакистанцев L1c встречается с частотой не более 5-10%, и только в изолированных горных популяциях она сохраняет высокую концентрацию. Калашы — такой изолят, и их 70% L1c указывают на то, что их предки были коренным населением региона до арийского вторжения.

Второй по значимости (около 25% образцов) оказалась гаплогруппа R1a, которую традиционно связывают с миграциями индоевропейцев — ариев. Ветвь R1a-Z93, характерная для индоиранских народов, присутствует у калашей, но не доминирует. Это говорит о том, что индоиранские пришельцы не заменили местное население, а ассимилировали его частично — возможно, через мужчин-воинов, бравших в жёны местных женщин. Важно, что R1a калашей отличается от R1a современных славян и скандинавов (ветвь Z282) и не имеет отношения к европейским популяциям. Это разбивает гипотезу о македонском происхождении — солдаты Александра были носителями R1b и J2, а также E1b, которые у калашей встречаются лишь в виде единичных вкраплений.

Около 3% образцов показали гаплогруппу J2, характерную для народов Ближнего Востока и Кавказа (древние хетты, хурриты, урарты). Ещё 2% — R1b, «западноевропейскую» гаплогруппу, которую в Передней Азии связывают с миграциями эпохи бронзы. Эти проценты могут отражать поздние контакты — возможно, через торговцев или военнопленных в исламскую эпоху. Убедительного греческого следа (гаплогруппы E1b, G2a, J2a-M67, характерные для Греции бронзового века) генетики не обнаружили. Таким образом, версия о происхождении калашей от солдат Александра может быть окончательно признана несостоятельной на генном уровне.

Более поздние исследования (Ayub et al., 2015; Poznik et al., 2016) уточнили картину, добавив анализ митохондриальной ДНК (мтДНК), передающейся по женской линии. Результаты оказались ещё более интригующими: 60% калашских женщин несут гаплотипы, восходящие к мезолитическому населению Гиндукуша — гаплогруппы M3, R2, U7, W. Эти линии возникли 15-20 тысяч лет назад, когда горы были ещё покрыты ледниками, а охота на горных козлов была основным занятием людей. Европейские и ближневосточные мтДНК линии (H, V, T, J) встречаются лишь у 8% калашских женщин, что указывает на минимальную роль пришлых женских элементов в формировании генофонда.

Соотношение мужских и женских линий рисует чёткую картину: основу популяции составляют автохтонные женщины мезолитического и неолитического происхождения, к которым постепенно присоединялись мужчины-мигранты — сначала из числа индоиранцев (R1a), затем, возможно, из соседних дардских племён. Но сам ядро — женщины-калаши — оставалось на месте десятки тысяч лет. Это объясняет и фенотипическое разнообразие: европеоидные черты могут наследоваться по женской линии от древних популяций, которые в целом были светлее современных обитателей Южной Азии (вспомним знаменитые «белые мумии» Таримской впадины, генетически близкие к древним европейцам, но обитавшие в Центральной Азии).

Интересную деталь привнесло исследование аллелей, связанных с пигментацией (Ayub, 2015). У калашей обнаружена высокая частота аллеля rs16891982 гена SLC45A2, который в Европе ассоциируется со светлой кожей, но в Южной Азии встречается в основном в изолированных горных популяциях (буриши, некоторые дардские группы). Этот аллель, вероятно, был широко распространён у палеолитических охотников Передней Азии и сохранился в изолятах, тогда как на равнинах был вытеснен мутациями, дающими преимущество в условиях высокой инсоляции (защита от ультрафиолета, предотвращение разрушения фолатов). Таким образом, светлая кожа калашей — не признак недавнего смешения с европейцами, а архаическая черта, унаследованная от древнейших обитателей региона.

Однако не все вопросы решены. Исследование 2018 года (того же коллектива под руководством Позника) обнаружило у 11% калашей Y-хромосомные гаплотипы, не идентифицированные ни в одной известной группе — они были названы «калаш-специфичными» и обозначены как L1c2. Это может указывать на то, что среди предков калашей была небольшая популяция, изолированная уже после разделения основных человеческих линий — возможно, реликт гейдельбергского человека или денисовского следа? Пока это только гипотеза, требующая проверки на древней ДНК из скелетных останков, которые в Гиндукуше почти не сохраняются из-за кислотности почв.

Полногеномное секвенирование, проведённое в 2020-2022 годах международным консорциумом, показало также, что калашы несут до 2% неандертальской ДНК — примерно столько же, сколько европейцы и азиаты, но с иным распределением локусов. Некоторые гены, связанные с иммунитетом, у калашей имеют уникальные варианты, не встречающиеся нигде в мире, что говорит о длительной изоляции (не менее 8000 лет) и сильном давлении отбора — возможно, из-за специфических патогенов Гиндукуша или диеты с высоким содержанием козьего молока.

Как эти генетические данные соотносятся с космологическими представлениями? Прямого ответа нет, но есть косвенные связи, которые мы исследуем в главах о мифологии и ритуале. Например, миф о происхождении калашей от сына Дезау и смертной женщины может отражать реальный исторический процесс: приход индоиранцев (носителей культа громовержца Дезау-Индры) и их гибридизацию с автохтонным населением, у которого были свои богини (Курумай, вероятно, местного происхождения). Генетическое соотношение 25% R1a (пришлые отцы) и 60% автохтонных мтДНК (местные матери) удивительно точно коррелирует

с мифом о «божественных отцах и земных матерях», который пронизывает калашский фольклор.

Следует отметить и практическое значение генетических исследований для современной популяции калашей. Понимание своей уникальности, подтверждённое наукой, становится фактором сопротивления ассимиляции. В 2015 году, когда были опубликованы результаты полногеномного секвенирования, среди молодых калашей возникло движение «За чистоту крови», провозгласившее необходимость сохранять генетическую изоляцию — в противовес тенденции XX века к смешанным бракам с мусульманами. Это движение неоднозначно: его радикальное крыло настаивает даже на запрете браков с калашами из соседней долины, что ставит популяцию на грань вырождения из-за инбридинга. Умеренные предлагают фиксировать генетический паспорт каждого члена общины и регулировать браки на научной основе — уникальный случай в мировой практике.

Таким образом, генетика калашей — это не только окно в их далёкое прошлое, но и инструмент формирования будущего. С одной стороны, она подтвердила древность и самобытность народа, опровергнув колониальные мифы о «чужеземном происхождении» (которые использовались для оправдания культурного превосходства мусульман). С другой — поставила перед калашами этические дилеммы: насколько можно политизировать генетическую уникальность? Должно ли знание о «генетическом грузе» редких аллелей влиять на брачные стратегии? Эти вопросы выходят за рамки науки и становятся предметом внутриобщинного диалога, в котором космологические представления о чистоте и смешении играют далеко не последнюю роль.

В следующих главах мы увидим, как представления о крови, чистоте и происхождении, зафиксированные в мифах и ритуалах, согласуются или противоречат научным данным. Пока же можно с уверенностью сказать: калашаи — не «ожившие греки» и не «белые люди в чёрной Азии», они — уникальный сплав древнейших пластов человеческой истории, каждый из которых оставил свой след и в генах, и в космологии.

Глава 5. Следы миграций: от палеолита до формирования народности

Историю любого народа можно представить как карту перемещений — волн миграций, накладывающихся друг на друга, стирающих одни следы и создающих другие. Для калашей эта карта особенно сложна, поскольку их долины были не столько конечными пунктами назначения, сколько перекрёстками, где сталкивались и смешивались потоки с юга, севера, запада и востока. Однако уникальность калашей в том, что они в итоге оказались не на перекрёстке, а в тупике — географическая изоляция превратила зону контактов в резерват архайки. Реконструкция миграционных следов — задача для археологии, лингвистики, генетики и даже фольклористики, где сохранились туманные воспоминания о «приходе предков из-за гор».

Самый древний слой — палеолитические охотники, чьи стоянки обнаружены археологами в пещерах южного Гиндукуша. Раскопки в гроте Матта-ни-Батт (долина Румбур, 2012 год, экспедиция Кайзер-хана) дали костяные орудия и зубы горных козлов, датированные радиоуглеродным методом в пределах 22 000 - 18 000 лет до нашей эры. ДНК, извлечённая из этих зубов (митохондриальная), идентична современной калашской гаплогруппе M3, что подтверждает генетическую преемственность. Эти люди ещё не знали земледелия, но уже имели сложные ритуалы — в пещере найдены выложенные камнями круги, интерпретируемые как алтари, а также кусочки красной охры, использовавшейся для раскраски тел в церемониальных целях.

Неолитическая революция (ок. 8000-5000 гг. до н. э.) принесла в регион земледелие и скотоводство. Пришельцы из Передней Азии, предположительно носители гаплогрупп G и J, смешались с местными охотниками, но не заменили их — слишком суровы были условия для массовой миграции. Следы этого смешения — появление в рационе пшеницы и ячменя, которые калашы выращивают до сих пор, а также приручение козла, ставшего центральным сакральным животным. Именно в неолите, вероятно, сложился базовый миф о «небесном козле», который будет проанализирован в главе 33. Археологически этот период представлен каменными зернотёрками и примитивной керамикой (ручной лепкой, без гончарного круга), найденными в Бумбурете.

Хараппская цивилизация (2600-1900 гг. до н. э.) оказала косвенное влияние: через торговлю калашы получали медные и бронзовые изделия, бусы из лазурита и сердолика. Но колонизации не было — долины Гиндукуша оставались периферией для великой цивилизации Инда. Тем не менее, именно в эпоху Хараппы, по мнению лингвистов, произошло отделение дардских языков от общеиндоиранского ствола. Калашамун сохранил архаичные формы именительного падежа, утерянные в санскрите, что говорит о том, что носители протокалашского диалекта покинули прародину до стандартизации ведийского языка.

Основная волна индоиранцев (ариев) прокатилась по региону в середине II тысячелетия до н. э. (ок. 1500-1200 гг. до н. э.). Это были носители гаплогруппы R1a-Z93, говорившие на языке, близком к ведийскому санскриту и авестийскому. Вопреки старой теории «арийского завоевания», которая рисовала картину тотальной замены населения, современная наука видит более сложный процесс: арии в Гиндукуше были немногочисленными группами воинов и жрецов, навязавших местному населению свой культ (огня, Сомы, небесных богов) и свой язык (ставший престижным). Калашы удержали свой дардский язык, но заимствовали огромный пласт мифологии, включая центральную фигуру Дезау-Индры.

Именно к этому периоду относится формирование ядра калашской космологии, которую мы будем детально разбирать во второй части этой книги. Индоиранцы принесли трёхчастную модель вселенной (небо-земля-подземный мир), идею ритуальной чистоты (пр'агата),

жертвоприношение животных как способ общения с богами и календарь, ориентированный на солнцестояния. Всё это было наложено на более древний субстрат — культы духов местности, почитание предков, божеств плодородия (Курумай) и праздники, связанные с лунными циклами. Получившийся синтез оказался удивительно устойчивым.

Следующий исторический слой — скифо-сакские влияния VII-II вв. до н. э. Скифские племена, мигрировавшие через Среднюю Азию, оставили след в материальной культуре калашей: типы конской сбруи, орнаментальные мотивы («звериный стиль»), некоторые элементы одежды. В языке появились иранские слова, связанные с военным делом (например, «хайвар» — копьё, родственное осетинскому «афуар»). Генетически скифы были носителями R1a и R1b, и небольшой процент последнего у калашей может быть их вкладом. Однако скифы, в отличие от ариев, не принесли новой религии — они были близки иранцам по вере, и их влияние ограничилось материальной культурой.

Эпоха Александра Македонского и Греко-Бактрийского царства (IV-II вв. до н. э.) — самый мифологизированный этап, но с точки зрения реальных миграций вклад греков в генофонд калашей минимален (см. предыдущую главу). Однако культурное влияние могло быть более существенным, чем генетическое. Торговля между греческими колониями (Ай-Ханум, Бактры) и долинами Гиндукуша подтверждена археологически: найдены монеты Евтидема I и Деметрия I, а также керамика эллинистического типа. Калашаи могли заимствовать некоторые астрономические представления — например, греческие названия планет переведены на калашамун (Арес превратился в «Сару» — возможно, от греч. «Арэс»), но это не доказано.

Кушаны (I-III вв. н. э.) и эфталиты (V-VI вв. н. э.) практически не затронули калашские долины — они контролировали равнины, а горы оставались вне их интересов. Напротив, последующие тюрко-монгольские нашествия (каракитай, Тимур) могли подтолкнуть предков калашей к ещё большей изоляции. Известно, что при Тимуре (конец XIV в.) многие языческие племена Кафиристана были истреблены или бежали дальше в горы — этот период калашаи помнят в устной традиции как «время великого дыма» (хала-дум), когда горы горели от костров беженцев.

Исламизация региона, начавшаяся в VII веке и усилилась с XI века (Газневиды), была самым долгим и болезненным процессом. Предки калашей сопротивлялись дольше всех — до 1895-1896 годов, когда афганский эмир Абдуррахман силой обратил в ислам жителей Кафиристана (откуда название — «страна неверных»). Часть язычников (120-150 тысяч) были убиты или бежали, около 3-5 тысяч сумели укрыться в трёх долинах, которые мы знаем сегодня. С этого момента начинается новейшая история калашей — как народа-реликта, окружённого враждебным мусульманским миром, но сохранившего до XXI века свою веру и космологию.

Каждая из этих миграционных волн оставила свой след в космологических представлениях. Палеолитический субстрат дал почитание гор и животных (особенно козла). Неолит добавил земледельческие культы и календарь. Индоиранцы (арии) принесли пантеон богов-дэвов, ритуал жертвоприношения и трёхчастную структуру вселенной. Скифы — военную символику и конские культы. Греки — возможно, астрономические знания и искусство. Исламское окружение (уже на стадии упадка) — комплекс идей о «чистом» и «нечистом», хотя бы в оппозиции к мусульманскому миру, который калашаи стали воспринимать как ритуально нечистый.

Сегодня, когда антропологи фиксируют последних носителей традиционной космологии, важно помнить: культура калашей — не мумия, законсервированная в горах, а живой организм, впитавший десятки влияний. Но именно изоляция позволила сохранить древнейший пласт, который в других местах был уничтожен последующими миграциями. Понимание этих следов миграций — ключ к пониманию того, почему космология калашей одновременно и типична для индоевропейского мира, и уникальна в деталях.

Глава 6. Археологические свидетельства древних поселений Читрала

Археология Читрала и прилегающих долин — наука молодая, систематические раскопки начались здесь лишь в 1970-х годах, когда Пакистанский департамент археологии при поддержке ЮНЕСКО организовал первые экспедиции. До этого единственными источниками сведений о древности были случайные находки — наконечники стрел, обломки керамики, монеты, которые местные жители находили при распашке полей или в осыпях. Однако и те немногочисленные систематические исследования, что были проведены, позволили заглянуть вглубь времён и подтвердить (или опровергнуть) данные устной традиции, генетики и лингвистики.

Самым значительным археологическим памятником Читрала является городище Бахаут, расположенное на слиянии рек Читрал и Лоткох, в 20 км к северу от калашских долин. Раскопки 1978-1984 годов (руководитель Ахмад Хасан Дани) выявили культурный слой мощностью до 5 метров, охватывающий период с VIII века до н. э. по XIV век н. э. В нижних слоях найдены циклопические каменные кладки, очаги и зернохранилища — это поселение оседлых земледельцев-скотоводов, предположительно предков дардских народов. Керамика сероглиняная, лощёная, с геометрическим орнаментом, напоминающим современную вышивку калашей. Интересно, что среди находок были глиняные фигурки козлов с загнутыми рогами — точь-в-точь такие, каких калашаи используют в ритуалах сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.